

СТРАХ УНИЧТОЖЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В АНТИУТОПИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

УДК 130.2

Н. С. Ищенко
Е. А. Заславская

Антиутопии – сравнительно молодой жанр, в котором создаются образы будущего, причем образы нежелательного будущего, неприемлемого в рамках данного социума. Первая половина XX века ознаменована целым рядом антиутопий, которые отразили главный страх того времени – опасность уничтожения индивидуальности. Уничтожение индивидуальности мыслилось как необходимое условие построения управляемого общества, а наличие ярких индивидуальностей, эмоциональных и разумных, имплицитно воспринималось общественным мнением как гарантия избежать тотальной управляемости общества. История современной культуры показывает, что этот путь развития общества не реализовался – уничтожения индивидуальности не произошло, однако развились новые методики управления социумом, которые позволяют регулировать поведение ярких и развитых индивидов. Представляется возможным, что антиутопии начала прошлого века выразили скрытый в общественном сознании страх и не позволили реализовать этот вариант. В то же время антиутопии прошлого не учитывают важный вариант управления обществом посредством перформации. В результате создается иллюзия полной свободы в западных обществах, где эти образы будущего не осуществились.

Образы будущего представляют собой часть картины мира, которую создают все люди одного общества в ходе социального взаимодействия. В образе будущего аккумулируются надежды и страхи, представления о норме, которая сохранится несмотря ни на что, и представления о том, что в принципе может быть изменено. Образ будущего, созданный какой-то культурой, говорит об этой культуре, о времени создания, о нормах и ценностях людей, которые мыслили тогда.

Важное место в антиутопиях начала XX века занимает страх уничтожения индивидуальности, а уничтожение индивидуальности понимается как необходимое условие создания полностью управляемого общества. Социальное развитие за последнее столетие и формирование культуры постмодерна показало, что потеря индивидуальности не является необходимой основой создания управляемого общества. Практики постмодерна позволяют реализовывать гибкие системы контроля, основанные на перформации и в то же время регулирующие поведение множества ярких индивидуальностей современного мира.

Рассмотрим страх уничтожения индивидуальности в трех влиятельных антиутопиях начала XX века: романе Евгения Замятина «Мы» (1920), книге Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» (1927) и в самой читаемой антиутопии двадцатого века «1984» Джорджа Оруэлла (1948).

Все три произведения посвящены обществу будущего, которое в своем развитии стало античеловеческим. В каждой книге по-своему описано, как общество расчеловечивает своих членов и добивается тотального контроля.

Самый первый роман в этом списке – «Мы» Замятина – создан в России, два других – в Англии. Роман Замятина еще в двадцатые годы был переведен на несколько языков и вышел в США и Европе. Хаксли утверждал, что прочитал роман Замятина в конце жизни [8, с. 51]. Оруэлл, напротив, сознательно полемизировал и с Замятиным, и с Хаксли [8, с. 53].

Разные исследователи отмечают сходство романов на уровне построения сюжета [5, с. 257 – 258]. Перечислим три общих признака романов:

любовь, которая заставляет члена общества выйти за рамки и войти в конфликт с государством;

финальная беседа с диктатором-правителем-основателем, в которой тот объясняет герою, что делают правители государства и зачем;

обреченность борьбы и гибель героя, который перед смертью ломается и принимает сторону государственной машины.

Во всех трех романах присутствует еще один общий элемент сюжета, который не акцентируется структурно, однако играет решающую роль в сюжете. Правители государства будущего оказываются людьми современной авторам культуры начала или первой половины XX века. Причем правители антиутопий оказываются носителями не массовой, а элитарной культуры этого времени – они любят и ценят литературу и музыку, запрещенную управляемым, читают и понимают высокую поэзию, хорошую прозу, сложную музыку, разбираются в философии и теологии. Все эти виды творчества и произведения искусства категорически запрещены в тех государствах, которые они построили и которыми управляют. Правители наслаждаются высокой культурой, от которой отлучили всех остальных. Таким образом, правители оказываются сознательными антагонистами в происходящем конфликте одиночки и государственной машины – они хорошо понимают, что именно они уничтожают в людях и зачем.

Нужно отметить, что у Замятина и Хаксли руководители утверждают, что ограничивают доступ к сложной культуре прошлого для блага общества, для покоя и удовольствия самих руководимых: простые люди имеют простые радости, которые общество в состоянии им обеспечить. Люди более сложные эмоционально и интеллектуально неизбежно будут выходить за рамки, что приведет к катастрофе их самих и окружающих. Поэтому сложная элитарная культура, а также развитая индивидуальность должны оставаться достоянием меньшинства, ибо общество не сможет воспроизводить себя и обеспечивать потребности всех, если каждый будет развитой личностью.

У Оруэлла же проблема управления и уничтожения индивидуальности управляемых поднимается до теологических высот: О'Брайен недоволен, когда Уинстон начинает говорить о благе общества, и заявляет, что им, высшим существам, нет никакого дела до блага общества, что оскорбительно даже думать, будто они хоть пальцем пошевелят ради низших каст. У Оруэлла правители правят потому, что хотят власти, и это единственное, что им интересно.

Увлеченность английских писателей этим сюжетом и такое влияние Замятина, не единственного русского писателя, пишущего об общественном устройстве, показывает, что тема была востребована в западном обществе. В жанре антиутопии западный мир первой половины XX века сформулировал свои основные страхи, и самым главным из этих страхов является страх уничтожения индивидуальности, который присутствует во всех трех романах.

У Замятина уничтожение индивидуальности прописано явно, персонажи его мира даже не имеют имен, только номера. Одинаковость и взаимозаменяемость номеров – главный идеал Единого Государства.

У Хаксли ситуация подана наиболее реалистично. Это единственный из трех романов, где общество управляется не только с помощью тотального контроля и прямого насилия. У людей дивного нового мира есть имена, а также развлечения и личная жизнь, и эти сферы регулируются не столько грубой силой, сколько умелым манипулированием.

В обществе, описанном Хаксли, у разных групп общества создаются разные рефлексy, которые приводят к разным вкусам в потреблении, общении, развлечении. Нужные параметры человека формируются еще до рождения путем воздействия на эмбрион. Далее процесс продолжает всеобщее воспитание, а точнее, всеобщая дрессировка, которая длится весь формативный возраст, в детстве и юности. Самое главное отличие от мира Замятина состоит в том, что в дивном новом мире развлечения не запрещены, а профессионально регулируются. Например, детей рабочих каст дрессируют так, чтобы им неприятно было видеть книги и розы, то есть они не могли бы по собственной воле читать и созерцать природу, однако такими же методами в них вбивают любовь к дорогим видам спорта, которые требуют постоянного потребления нового спортивного инвентаря, что приносит прибыль государству.

У Оруэлла проявление индивидуальности, независимости мышления, своего взгляда на вещи является преступлением, однако мир Оруэлла только на пути к тому состоянию, которого достигли жители дивного нового мира, где такие вещи как независимость мышления невозможны в принципе, блокируются на биологическом и физиологическом уровне. Герои Оруэлла еще понимают, что значит мыслить самостоятельно и могут это делать. В то же время общество, которое они создали, в сфере целеполагания иррационально, если для уничтожения каждого инакомыслящего тратятся такие силы, какие пошли на одного Уинстона. Общество небогато, при этом скудные его ресурсы тратятся на удовлетворение желания правителей найти

того, с кем можно интеллектуально побеседовать, впечатлить его своей безграничной мощью, а потом сломать и застрелить. Это еще раз показывает, что роман Оруэлла – своеобразная притча о природе власти и о страхах, которые существуют в общественном сознании при попытках смоделировать развитие современной ситуации в будущем. Роман Оруэлла в явном виде демонстрирует основную схему такой модели: полностью управляемое общество возможно только при условии уничтожения индивидуальности управляемых; индивидуальность – главный враг контроля и управления, потому что человек с развитой личностью не вписывается в общие рамки и не позволит собой управлять.

Итак, анализ антиутопий Замятина, Хаксли и Оруэлла показывает, что в период, когда создавались эти произведения, люди западноевропейской культуры больше всего боялись потерять индивидуальность. Во всех трех романах с разной степенью четкости звучит мысль, что только потеря индивидуальности делает общество управляемым. Уничтожение индивидуальности – непереносимое условие потери свободы человеком и обществом.

Возможно, этот страх показывает, что такой вариант развития событий был одним из путей, по которым мог пойти западный индустриальный мир. Однако этот путь не был выбран. Современное западное общество, сохранившее множество неприятных черт и реализовавшее множество тогдашних страхов, не реализовало этот один – жители капиталистического западного общества эпохи постмодерна избавлены от потери индивидуальности.

В самом деле, в современной западной культуре индивидуальность не подавляется, а всячески культивируется. Общество разбито на субкультуры, которые постоянно появляются вновь, перетекают одна в другую, формируются с использованием инокультурных форм, меняются, перетекают одна в другую и непрерывно обновляются. Тенденция последних десятилетий состоит в том, что поле единого мнения сужается. Остается все меньше общеобязательных норм, общеизвестных персонажей. Преподаватель вуза, научный сотрудник, академик должен бороться за аудиторию разными субъектами информационного поля на равных, его знания не дают ему никаких преимуществ. Классическое образование и его методы становятся только одним из возможных вариантов деятельности, направленной на получение знаний и культуротворчество. В пределе такое дробление прежде единого информационного поля может доходить даже до отдельного индивида.

Таким образом, создание субкультур, конструирующих различные идентичности, является основной тенденцией современного мира. Эти субкультуры охватывают людей разных профессий и возрастов. В современном западном мире однообразная физическая работа или работа по обслуживанию (официанты, уборщик), для которой в дивном новом мире выращивали касту полуидиотов-эпсилон, выполняется нормальными образованными людьми, включенными в ту или иную субкультуру. Любой

современный нумер пишет, поет, делает фотографии, снимает видео, смотрит новые сериалы, играет в интерактивные игры, живет в соцсетях, путешествует и всячески развлекается. Индивидуальность в мире постмодерна сохранена – никто не втискивает человека насильно в единый стандарт. Однако наше время реализовало парадокс, который был неведом создателям старых антиутопий, а именно полную управляемость развитыми индивидами.

Современный французский философ Ален де Бенуа размышляет о новых стратегиях управляемости обществом современного типа, который состоит из атомизированных индивидов [4]. На первом этапе происходит атомизация человека – отрыв его от корней, от естественных связей, то есть делающих его неуязвимым для «системы» и «империи». Появляются индивиды, которые не идентифицируют себя с идеологиями или государствами, а соотносят свою личность и деятельность с небольшими субкультурами, которые формируются искусственно, на произвольных основаниях.

Ален де Бенуа утверждает, что далее начинается процесс массивификации, превращающий уже обездоленных, разорванных индивидуумов в обезличенную массу для простоты управления ее со стороны «системы». Эта инерция мышления, которая сформирована в том числе и антиутопиями двадцатого века: в современном мире индивиды имеют доступ к огромным культурным богатствам, проявляют свое творчество в собственной жизнедеятельности, создавая индивидуальные жизненные стратегии на основе разнокультурных форм. Называть таких людей, всю жизнь развивающих собственную личность, обезличенной массой, значит вносить искажения в описание ситуации.

Современные индивиды действительно объединяются в сети, которые строятся не на основе жестких единообразных идеологий, как это описано в антиутопиях двадцатого века, а представляют собой систему множественных горизонтальных связей, определяемых Жилем Делёзом как ризома [6].

Ризома моделируется как клубень, растущий под землей параллельно поверхности, выпуская время от времени вертикальные ростки, и ветвясь в горизонтальном направлении. У ризомы нет корня. Уничтожение одного ростка не уничтожает ризому и не меняет ее структуру. Таким образом, ризома охватывает самые разные эстетические идеалы, политические предпочтения и культурные приоритеты, соединяя их во всевозможные комбинации, не требуя логической согласованности и связности системы. Ризома не система, элементы ризомы связывает не логическая продуманность, не сознательный социальный интерес и не общая цель.

Сеть Интернет это лишь наиболее показательная, эталонная модель ризомы. Но помимо Интернета к ризомам относятся любые другие сети – сети закусочных, торговые сети, сетевые религиозные организации, секты, молодежные клубы, сети создания и раскрутки брендов, мемов, любые социальные сети.

Когда общество «осетвлено», в нем возникают необходимые и достаточные условия для создания сетевого общества, что меняет подход работы с ним от непосредственного воздействия к сетевому воздействию.

Ален де Бенуа считает, что в сетевом обществе локальности, особенности, национальная этническая культура, самобытность игнорируется, либо рассматривается как фольклор, либо перемещается в резервацию, либо подвергается прямому геноциду. Однако фактически это не так. Двадцать первый век это не только век пробуждения Бога, как называют исследователи возрождение религиозности в современном мире, это еще и век возрождения этнического и национального.

Количество конфликтов на межэтнической форме в современном мире возросло во много раз по сравнению с двадцатым веком. Единая Югославия распалась на несколько стран, которые враждуют между собой. На месте единого СССР существует сейчас 15 государств, в большинстве из которых, как на Украине или в Прибалтике, сформировано мононациональное государство, где представители других этносов лишаются политических прав и исключаются из общественной жизни. Европейские государства, которые в 1993 году объединились в Европейский союз, не только не слились в единое общество, но и породили множество сепаратистских движений: Шотландия хочет отделиться от Великобритании, Каталония от Испании.

Таким образом, этническое и национальное не исчезает, и признается современными учеными источником культурных конфликтов и дестабилизации общества [1, р. 54; 2, р. 75]. Культурное разнообразие становится одним из возможных оснований формирования ризомы, ячейки сетевого сообщества, которые включаются в новую структуру управления разнообразием. Механизмом управления в обществе постмодерна становится перформация, а в качестве инструмента управления выступает мода.

Перформация это деятельностное освоение социальных практик человеком как субъектом социального взаимодействия. «Многokrатное воспроизводство закономерных структур практики закладывает общественно воспроизводимые обобщенные культурные сценарии перформативных практических действий или правила собственно человеческой жизнедеятельности. Совокупность элементарных правил рождает метод (способ) достижения той или иной цели. Осознание и культурное исполнение метода вызывает к жизни различные формы практического (ценностного) и теоретического (эпистемологического) сознания – протоконы, ритуалы, обычаи, кононы, традиции, рецепты, научные теории и пр. Другими словами, кононы бытия человека и общества, чтобы осуществиться, должны быть в той или иной знаковой форме осознаны и телесно освоены людьми, а человек в собственном смысле слова как раз и представляет собой устойчивую и миллионкратно воспроизводимую совокупность социокультурно (т.е. не природно, а искусственно) созданных закономерностей совместного движения множества индивидов» [3, с. 13].

Сформированные в обществах западной культуры способы управления человеком используют перформативные механизмы социальной регуляции

человеческого поведения. Совместное действие больших групп людей возможно как результат обучения одинаковым видам деятельности. Перформация в обществах постмодерна формирует новый культурно-антропологический тип человека, способного выполнять заданные действия, ставить осмысленные цели в рамках существующего общественного устройства и рационально достигать их. Виды социального взаимодействия, осваиваемые в ходе перформации в течение жизни человека, структурируют социальное и культурное пространство общества, создавая культурную легитимацию определенного поведения и предоставляя возможность продвижения по социальной лестнице в определенных границах при условии реализации перформативных практик, недоступных человеку архаического общества и требующих научения и труда в новых условиях. Таким образом, социальное взаимодействие членов общества осуществляется как реализация «собственно человеческого» движения [3, с. 7]. Это собственно человеческое движение в современном обществе реализуется в первую очередь посредством моды.

Мода на стили одежды, музыки, развлечений, которая во все времена была средством регуляции общественного действия человека, в информационном пространстве дополняется модой на образы, позы, поведение, которые задаются не только публичными людьми, но и культуртрегерами меньшего масштаба [7].

В настоящее время блоги, каналы, социальные сети в интернете исчисляются сотнями и тысячами. Они имеют самые разные направления, задавая стандарт поведения даже в самой интимной сфере. Через интернет люди узнают, как правильно одеваться дома, готовить, делать уроки, делать ремонт, организовывать семейные праздники и посиделки с друзьями, как вести себя на первом свидании и как расставаться с надоевшим партнером, какими словами описывать себя и свои действия, в каких позах фотографироваться и как себя презентовать в разнообразных подсистемах информационного пространства.

Масштабы этого вида управления неизмеримы прямо, и могут быть оценены только косвенно, по популярности тех или иных регуляторов мнений, однако их перформативный эффект не вызывает сомнения. Человек постмодерна в своей социально-одобряемой деятельности ориентируется на образцы, которые не стали менее обязательными от того, что субъект контроля сейчас распределен по всей референтной группе конкретного пользователя.

Таким образом, управление поведением человека в обществе постмодерна не уменьшило своей всеохватности с появлением специфических практик, обеспеченных информационным пространством современности. Наряду с институтами, которые сохранило общество с начала XX века, появляются новые практики. В рамках учреждений общества модерна человека обучают, контролируют и оценивают. Новые институты контроля не закреплены жестко в социальной структуре, однако столь же действенны. Таким образом в обществе постмодерна создаются и

воспроизводятся элементы социально-одобряемого поведения в разных сферах социокультуры для людей с развитой индивидуальностью.

Таким образом, антиутопии двадцатого века показали опасность, которой страшилось западное человечество, и от которой оно избавилось. Это была опасность потери индивидуальности ради создания абсолютно управляемых общества. В наше время существует другая опасность, не отмеченная в старых антиутопиях, а именно реальность абсолютного контроля при полном развитии индивидуальности, что требует других подходов как к постановке проблемы, так и к поиску путей ее решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bhabha, H. K. Culture's In-Between // Questions of Cultural Identity Edited by Stuart Hall and Paul Du Gay. – Sage Publications London, Thousand Oaks, New Delhi. 1996. – P. 53 – 60.

2. Macfadyen, Leah P. Virtual ethnicity: The new digitization of place, body, language, and memory // The University of British Columbia. – 2008. DOI 10.14288/1.0058425

3. Воеводин, А. П. Substantia humana / А. П. Воеводин // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – Том 24 (65). – 2012. – № 1–2. – С. 3–17.

4. Бенуа, Ален де. Глобализация и новая консервативная парадигма в XXI веке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/alaindebenoist/pdf/globalizatsiya.pdf>

5. Головнёва, Ю. В. Солнце и Борей: сопоставление антиутопий Е. И. Замятина и Дж. Оруэлла на материале метафор внутреннего мира их героев / Ю. В. Головнёва // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 257 – 267.

6. Делёз, Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – 480 с.

7. Ищенко, Н. С. Перформация как стратегия управления в обществе постмодерна [Электронный ресурс] / Н. С. Ищенко // Материалы круглого стола «Развитие современного мира от индивидуальной свободы к свободе всеобщей» (г. Москва, 13 марта 2019 г.). – Режим доступа: http://rusdih.ru/publikacii/performaciya_kak_strategiya_upravleniya

8. Шестаков, В. П. Русская утопия в контексте английской утопической традиции (опыт сравнительной типологии) / В. П. Шестаков // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – № 4(9). – С. 35 – 55.

Ищенко Н. С., Заславская Е. А. Страх уничтожения индивидуальности в антиутопиях первой половины XX века

Аннотация: в статье анализируются антиутопии первой половины XX века: «Мы» Е. Замятина, «О дивный новый мир» О. Хаксли и «1984» Дж. Оруэлла. Определяется основная отрицательная черта воображаемого будущего: разрушение индивидуальности. Эксплицируется предпосылка, лежащая в основе представления о полном контроле государства за всеми членами общества, а именно представление о том, что такой контроль возможен только при полном уничтожении индивидуальности. Показано, что в наступившем будущем, в культуре постмодерна этот страх не был реализован, и управление носителями западной культуры, сохраняющими и развивающими свою индивидуальность, осуществляется посредством перформации, повторения социально одобряемых действий, стандарты которых задаются модой.

Ключевые слова: антиутопия, индивидуальность, перформация, управление, Замятин, Хаксли, Оруэлл

Ishchenko N. S., Zaslavskaja E. A. Fear of the Individuality Destruction in the Anti-utopia of the First Half of the XX Century

Summary: The article analyzes the anti-utopias of the first half of the 20th century: “We” by E. Zamyatin, “O Brave New World” by O. Huxley and “1984” by J. Orwell. The main negative feature of the imaginary future is determined: the destruction of individuality. The premise underlying the notion of complete state control of all members of society, namely the notion that such control is possible only with the complete destruction of individuality, is explicated. It is shown that in the coming future, this fear was not realized in postmodern culture, and the management of Western culture bearers who preserve and develop their individuality is carried out through performance, repetition of socially approved actions, the standards of which are set by fashion.

Key words: dystopia, personality, performance, management, Zamyatin, Huxley, Orwell